

М.А. ЗАВАДСКАЯ
КОГДА ВЫБОРЫ ВЫХОДЯТ ИЗ-ПОД КОНТРОЛЯ?
НЕПРЕДНАМЕРЕННЫЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ В СОРЕВНОВАТЕЛЬНЫХ
АВТОРИТАРНЫХ РЕЖИМАХ¹

Выборы как способ рекрутирования власти и агрегирования предпочтений избирателей традиционно являются несущей конструкцией любой политической системы, претендующей на статус демократии [Dahl, 1971]. Тем не менее далеко не секрет, что за последние 20 лет выборы наряду с многопартийностью и парламентаризмом были успешно адаптированы современными авторитарными режимами. При этом не представляется удовлетворительным объяснением утверждение о том, что эти институты являются лишь фасадом, который используется авторитарными лидерами для легитимации существующего режима на международной арене. Как свидетельствуют результаты исследований политической динамики недемократических режимов, «авторитарные институты» зачастую не являются бутафорией и призваны выполнять задачи выживания политического режима и правящей элиты [Gandhi, 2008]. Законодательные органы, например, в современных автократиях являются ареной торга и согласования интересов между различными элитными группировками, и в некоторых случаях депутаты способны обеспечивать патронажными благами свой избирательный округ и поддерживать воспроизводство существующей системы

¹ Автор благодарит своего коллегу Игоря Скулкина за неоценимую помощь при кодировании данных и проведении количественного анализа.

[Lust, 2009; Wright, 2008]. Политические партии помимо кооптации новых членов и кадровой ротации решают проблему обеспечения взаимных обязательств и контроля партнеров по коалиции [Magaloni, 2006; Greene, 2009]. Выборы и референдумы в авторитарном контексте обеспечивают «управляемую» мобилизацию населения и осуществляют мониторинг лояльности как различных звеньев административной «вертикали», так и отдельных фракций внутри правящей коалиции [Gandhi, Lust-Okar, 2009].

Вместе с тем несмотря на то что в авторитарных режимах инкумбент, как правило, контролирует представительные институты и политические партии, выборы способны приводить к непредвиденным последствиям. В некоторых случаях они принимают форму таких безобидных недоразумений, как незначительное сокращение доли правящей партии в законодательном органе, но порой они имеют откровенно «подрывной» эффект и ведут к делегитимации существующего режима. Волна электоральных революций в Сербии, Украине, Грузии и Кыргызстане является ярким примером подобного рода непредвиденных последствий. Однако перечень таких эффектов не ограничивается электоральными революциями, поскольку авторитарные институты могут «давать сбои» в разных сферах. Так, Аугусто Пиночет проиграл референдум о продлении срока президентских полномочий в 1988 г., Роберт Гуэй проиграл выборы в Кот-д'Ивуаре в 2000 г., провалы в кадровой политике спровоцировали расколы в мексиканской Институциональной революционной партии (PRI) и Гоминьдан (KMT) на Тайване [Hyde, Marinov, 2009; Langston, 2006; Altman, 2011]. Все эти случаи объединяет тот факт, что созданные в интересах инкумбента политические институты в силу ряда обстоятельств сыграли против него. Таким образом, даже при условии систематических манипуляций правилами игры авторитарные политические партии, выборы и законодательные органы могут оказаться институциональным средством или шаблоном для политических акторов в процессе трансформации существующего режима.

Применительно к выборам проблема непредвиденных последствий была сформулирована Андреасом Шедлером [Schедler, 2006]: при каких условиях выборы в авторитарном контексте играют «стабилизирующую» роль и когда они действуют в качестве «подрывной» силы? Иными словами, при каких обстоятельствах

инкубент утрачивает контроль над электоральными процессами и когда выборы действуют как «подрывной институт»¹?

В данной статье анализируется проблема концептуализации и измерения непредвиденных электоральных последствий и представлен обзор возможных объяснений того или иного постэлекторального сценария. В заключительной части статьи представлены результаты предварительного количественного анализа выборов и их последствий в соревновательных авторитарных режимах с 1990 по 2011 г., а также интерпретация результатов.

Концептуализация понятия «непредвиденные электоральные последствия»

Конвенционального определения концепта «непредвиденные электоральные последствия» в условиях авторитаризма до сих пор не разработано. Исследователи либо напрямую переходят к анализу электоральной статистики (например, величина отрыва победителя от второго кандидата или партии) [Greene, 2009; Schedler, 2008], либо измеряют последствия выборов изменением индексов демократизации [Howard, Roessler, 2006; Kalandadze, Orenstein, 2009; Åslund, McFaul, 2006]. Тем не менее есть основания полагать, что теоретически все возможные последствия выборов можно разделить на прямые (непосредственные) и косвенные эффекты. Оба типа эффектов, в свою очередь, могут носить как *прогегемонистский* (в интересах инкубента), так и *антигегемонистский*² характер. Антигегемонистские последствия, как правило, являются непредвиденными, или «подрывными» (subversive), с точки зрения авторитарного лидера.

В таблице 1 суммированы теоретически возможные эффекты выборов. Непосредственными эффектами выборов могут быть массовые протесты избирателей, несогласных с итогами или качеством проведения выборов. Косвенные или долгосрочные эффекты могут принимать форму постепенного «размывания» или либера-

¹ Термин заимствован из теории «подрывных институтов» Валери Банс, исследовавшей причины и характер распада СССР и Югославии [Bunce, 1999].

² Понятия «прогегемонистский» и «антигегемонистский эффекты» были использованы Гордоном Смитом для анализа последствий референдумов в Западной Европе [Smith, 1976, p. 5–7, 19–20].

лизации режима. При этом прямые и косвенные последствия не являются взаимоисключающими, так как последние могут проявляться и в краткосрочных событиях.

Таблица 1

**Возможные последствия выборов для
существующего политического режима**

	Прогегемонистские	Антигегемонистские
Прямые	Выборы производят желаемый результат и поддерживают существующий режим	Протесты, дестабилизация
Косвенные	Усиление режима, адаптация к меняющимся условиям	Постепенная эрозия режима, кумулятивные «подрывные» эффекты

Непредвиденные антигегемонистские электоральные последствия не соответствуют первоначальным предпочтениям и ожиданиям инкумбента. Поскольку последний обычно стремится сохранить власть или же передать ее в руки «достойного» преемника, то непредвиденным следствием выборов будет либо собственно электоральный проигрыш, либо массовые акции протеста со стороны избирателей, что говорит о потере кредита доверия.

Неоинституциональный подход предлагает несколько вариантов интерпретации непредвиденных последствий. Социологическая версия институционализма ставит во главу угла «когнитивные схемы». В этом свете непредвиденные последствия вызваны ситуацией, когда прежние практики и нормы оказываются несовместимы с новой системой представлений в обществе [Blyth, 2003]. Исторический институционализм делает акцент на значимости прежних институциональных конфигураций, наслаивании их друг на друга, что в итоге приводит к конфликту существующих институтов и непредсказуемым эффектам [Hall, Taylor 1996]. В данной статье понимание непредвиденных последствий в большей степени соответствует третьей традиции – институционализму рационального выбора.

С точки зрения рационального выбора нежелательные последствия могут возникать в результате проблемы «принципал-агент» при выполнении поручений инкумбента. Кроме того, пред-

сказуемость последствий в большой степени обусловлена инструментами, которые находятся в распоряжении актора (репрессивный аппарат, контроль над перераспределительной политикой, наличие автономных ресурсов) [Cortell, Peterson, 2001]. Еще одна проблема заключается в том, что инкубент довольно часто не располагает достоверной информацией об уровне своей поддержки среди избирателей и даже среди элит, поскольку отсутствуют независимые СМИ, надежные результаты опросов общественного мнения и рейтинги популярности. В политической экономике эта проблема получила название «дилемма диктатора», которая частично решается за счет установления политических институтов, призванных снизить уровень неопределенности и осуществлять мониторинг лояльности [Wintrobe, 1998; Weingast, 1996]. Однако, как показывает практика, этого не всегда достаточно, чтобы полностью контролировать политические процессы, особенно такие масштабные, как выборы.

Где возможны непредвиденные электоральные последствия?

Прежде всего, необходимо оговориться, что непредвиденные электоральные последствия возможны лишь в тех политических режимах, где не только регулярно проводятся выборы, но и существуют нормы, позволяющие, по крайней мере *де-юре*, деятельность политических партий (в том числе оппозиционных) и возможность альтернативного голосования, т.е. наличие выбора кандидатов и партий в избирательном бюллетене. Таким образом, фиксируется так называемая *потенциальная конкуренция* (potential competitiveness), которая теоретически возможна в существующем режиме, однако не всегда эмпирически наблюдается [Sartori, 1976, p. 218]. Следуя этой логике, из исследования автоматически исключаются автократии, где нет выборов вообще, а также закрытые неконкурентные режимы, где политические партии либо запрещены, либо легализована лишь одна-единственная партия и ее сателлиты. Преимуществом такого разделения между закрытыми и соревновательными авторитарными режимами является то, что этот критерий не основан на электоральных последствиях или оценке качества демократии (например, индекс Freedom House), т.е. он не является эндогенным по отношению к выборке.

Что касается границы между соревновательными авторитарными режимами и электоральными демократиями, провести ее таким же образом не представляется возможным, поскольку в данном случае различия касаются не формальных норм (разрешающих или запрещающих электоральную конкуренцию), а качества электоральных процессов. Отличительной чертой электорального (соревновательного) авторитаризма является то, что «формальные демократические институты широко рассматриваются как основные средства достижения и осуществления политической власти», но при этом инкубент злоупотребляет своими полномочиями и манипулирует существующими правилами настолько часто и в таком масштабе, что режим не соответствует минимальным конвенциональным стандартам электоральной демократии [Levitsky, Way, 2002]. В подобного рода режимах минимальный набор институтов, характерных для демократий, уже существует, однако политические практики, посредством которых воспроизводится режим, существенно ограничивают политические и гражданские права избирателей и оппозиции.

Поэтому в данной работе в качестве точки отсчета, отделяющей электоральные демократии от соревновательных авторитарных режимов, использовано значение 2 по показателю «Политические права индекса Дома Свободы» (Political Rights Freedom House) или значение 6 по индексу «Полития» (Polity IV). Если случай не удовлетворяет хотя бы одному из указанных параметров, то он исключается из анализа.

На основе этих критериев на временном отрезке 1990–2011 гг. были зафиксированы 349 выборов в 78 странах, удовлетворяющих критериям соревновательного авторитаризма. Данные диаграммы 1 демонстрируют, что электоральное поражение инкубента или его партии в условиях соревновательного авторитаризма событие редкое, но все же возможное. Доля поражений партии инкубента на парламентских и президентских выборах составляет 16% (32 из 173 для парламентских выборов, 23 из 121 – для президентских). Примечательно, что доля проигрышей одинакова для обоих типов выборов, и это контрастирует с представлением о том, что выборы в легислатуру способствуют распределению власти и ресурсов между группировками (power sharing) и

вследствие этого могут быть проиграны с большей вероятностью, чем президентские, где ставки более высокие.

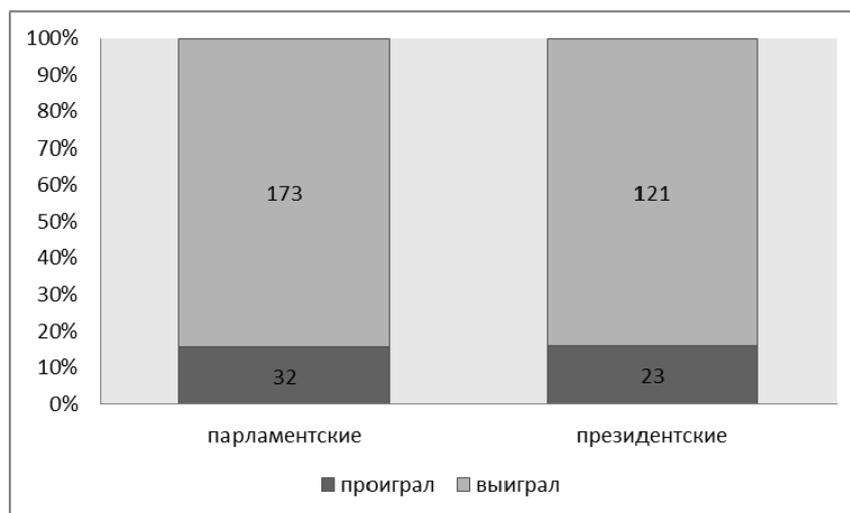

Диаграмма 1
Соотношение шансов авторитарных инкубентов на парламентских и президентских выборах (1990–2011)¹

Выборы в недемократических условиях – это заведомо рискованное для инкубента и части правящей элиты мероприятие, поскольку связано с массовой мобилизацией электората и политических ресурсов элит для обеспечения желаемого исхода. В сущности, выборы в авторитарных режимах, как правило, проходят на «ручном управлении», и если один из приводных ремней выходит из-под контроля, то вероятность непредсказуемых последствий резко возрастает. Тем не менее использовать выборы как каузальную переменную, объясняющую возникновение тех или иных по-

¹ Из выборки исключены выборы, где инкубент отсутствует (например, учредительные выборы после затяжного конфликта, гражданской войны или первые выборы независимого государства), где невозможно однозначно установить инкубента или его преемника (Иран 2004 г., Марокко, Иордания, Бутан), а также выборы, организованные временным правительством (Афганистан 2004 г.).

следствий, было бы некорректно. Скорее выборы – это арена или событие (в терминах Валери Банс «eventful political science»), ограниченное во времени и пространстве, которое отклоняется от обыденной политики («politics as usual») [Bunce, Wolchik, 2011].

Операционализация зависимой переменной

Зависимая переменная сконструирована на базе двух измерений: собственно электоральные результаты (выиграл инкумбент или проиграл) и наличие массовых протестов, непосредственно связанных с результатами выборов или качеством их проведения. Данная операционализация позволяет учесть как результаты электоральных стратегий со стороны элит и инкумбента, так и массовые акции протеста. Выделенные четыре типа электоральных эффектов являются лишь первым приближением к анализу непредвиденных последствий, однако они позволяют определить спектр эмпирически наблюдаемых исходов в каждом конкретном случае. Распределение 349 анализируемых выборов по четырем типам представлено в таблице 2.

Таблица 2

Типы наблюдаемых эффектов¹

		Выиграл ли инкумбент или его партия выборы?	
		ДА	НЕТ
Протесты граждан и оппозиции	ДА	N = 73 Беларусь 2010 г., Россия 2011 г.	N = 5 Кот-д'Ивуар 2000 г.
	НЕТ	N = 221 Россия 2008, Сингапур (1990-е и 2000-е годы)	N = 50 Албания 1992 г., 1997, Хорватия 2000, Гана 2000 г.

Источник: NELDA, Keesing's Record of World Events, база данных автора

¹ Индикатор «выигрыш-проигрыш», безусловно, является довольно грубой мерой антигегемонистских последствий. В частности, для более точного измерения есть смысл использовать величину отрыва доли голосов или мест от второго кандидата или партии относительно предыдущих выборов. В идеале необходимо учитывать тип электоральной формулы, заградительный барьер и число мест, необходимых для конституционного большинства в парламенте.

Три из четырех эффектов являются «подрывными», однако при этом качественно разными. В одном случае инкумбент выигрывает выборы с существенным отрывом, но при этом провоцирует массовые протестные акции, как это произошло в Беларуси в декабре 2010 г. В другом случае инкумбент просто проигрывает выборы, и власть мирно переходит оппозиции. Однако такой сценарий возможен после существенной либерализации режима или в результате серьезных экзогенных шоков. Так, внезапная смерть Франьо Туджмана в Хорватии привела к конфликтам внутри Социал-демократической партии Хорватии и ее фактическому поражению на парламентских выборах.

Случаи, когда проигрыш инкумбента сопровождается массовыми протестами, крайне редки. К этой категории относятся президентские выборы в Сербии в 2000 г., когда Слободан Милошевич проиграл Воиславу Коштунице в первом туре, но это все равно вызвало массовые протесты и привело к «бульдозерной революции». Первые выборы после переворота в Кот-д'Ивуаре в 2000 г. привели не просто к поражению инкумбента, но и к полной дестабилизации и гражданской войне. В 2000 г. консерваторы (Исламская Ассоциация воинов-проповедников) проиграли парламентские выборы в Иране, однако протесты вызвал не столько сам факт победы реформистов, сколько громоздкая процедура подсчета голосов. В Иране не используется компьютерное обеспечение, поэтому подсчет может занимать несколько дней, а то и целую неделю, что послужило причиной протестов как сторонников инкумбента, так и оппозиции¹.

Большинство случаев находится в ячейке с прогегемонистскими или предсказуемыми для инкумбента электоральными последствиями. В сущности это «нормальные» выборы для соревновательных авторитарных режимов: инкумбент сохраняет власть или передает ее преемнику, это не сопровождается акциями протеста и является частью воспроизводства существующего порядка. Остальные три сценария – «отклонения» от «нормальной» модели политики соревновательного авторитаризма. Однако эти «отклонения» составляют треть всех случаев с 1990 по 2011 г., что дает основания предполагать наличие систематической вариации. Данные

¹ Протесты могут быть обусловлены и тем, что проигравший инкумбент отказался признать результаты. Однако подобные случаи в выборке отсутствуют.

сценарии можно трансформировать как в более градуированную шкалу, так и в категориальную переменную.

Причины непреднамеренных последствий: Теоретическая модель, гипотезы и операционализация

Объяснительные переменные, которые в той или иной комбинации могут являться причиной непреднамеренных последствий, сгруппированы вокруг пяти возможных подходов: 1) политическая экономия режима, 2) воздействие международной среды, 3) политические институты, 4) социокультурные характеристики общества и 5) политические стратегии акторов. Этот список не является исчерпывающим, но он позволяет систематизировать пул доступных объяснений.

Классические объяснения политических экономистов концентрируются вокруг социально-экономической динамики режима, взаимодействия бизнеса, государства и избирателей. Уровень экономического развития и отсутствие экзогенных шоков теоретически стабилизируют политический режим и снижают вероятность непреднамеренных последствий [Boix, 1998; Acemoglu, Robinson, 2006; Repinsky, 2009; Przeworski, 2000]. Способность инкумбента осуществлять эффективную перераспределительную политику посредством трансфертов, субсидий или социальных программ и обеспечивать должный объем бюджета за счет налоговых поступлений и прочих доходов, вероятно, также укрепляют политические позиции инкумбента и правящей коалиции [Magaloni, 2006]. В целом наличие ресурсов и возможность предоставлять блага партнерам по коалиции обеспечивают способность режима к кооптации потенциальной оппозиции и избавляет от постоянного использования репрессивных стратегий по отношению к политическим аутсайдерам и диссидентам.

Влияние и давление со стороны международного сообщества вносят коррективы в стратегии инкумбента во время выборов. Это воздействие особенно сильно в условиях высокой степени глобализации, включенности режима в международные торговые, миграционные и политические сети и относительно низкой автономии государства (state capacity). Дополнительные обязательства на инкумбентов накладывает диффузия международных норм, таких

как требование «честных и справедливых» выборов, особенно в ситуации, когда авторитарный режим заинтересован в получении тех или иных благ от международных партнеров – от экономической помощи до получения права голоса в международной организации [Levitsky, Way, 2010; Hyde, 2011; Vachudova, 2005].

Характеристики политических институтов способны корректировать стратегии акторов, выступая в роли ограничителей. Например, можно предположить, что цена проигрыша на парламентских выборах в президентской системе будет существенно ниже, чем на президентских выборах [Golder, Wantchekon, 2004].

Общества, где преобладают расколы на основе разных идентичностей, особенно если они носят этнический, языковой или религиозный характер, являются более нестабильными в силу гетерогенности. Можно предположить, что возможные конфликты мобилизуются во время национальных выборов и тем самым увеличивают вероятность непреднамеренных последствий [Horowitz, 1985].

Последняя группа объяснений связана с политическими стратегиями акторов (инкумбента, политических элит, оппозиции и гражданских ассоциаций), которые могут сместить баланс власти в пользу оппозиции и наоборот. В данной статье это объяснение ограничено стратегиями инкумбента в отношении режима избирательных репрессий непосредственно в предвыборный период и во время проведения выборов. «Неуклюжие» манипуляции, как утверждает ряд исследователей, вкуче с хорошо организованной оппозицией способны нанести серьезный удар по позициям инкумбента [см. например: Case, 2006; Schedler, 2008; The logic of political survival, 2003]. Оптимальная стратегия сочетания «кнута и пряника», напротив, является одним из ключевых факторов, позволяющих избежать непреднамеренных последствий выборов.

Суммируя все перечисленные теоретические объяснения, можно определить круг значимых переменных и гипотетические связи между ними (см. диаграмму 2):

H1: чем выше уровень экономического развития, тем меньше вероятность непреднамеренных последствий (далее НП);

H2: чем хуже относительное социально-экономическое положение (инфляционный рост и уровень безработицы), тем выше вероятность НП;

H3: медленные темпы экономического роста увеличивают вероятность НП;

H4: в режимах, обладающих автономными источниками доходов (экспорт сырья или иные доходы), НП менее вероятны;

H5: чем больше режим интегрирован в международное сообщество, тем выше вероятность НП;

H6: чем более репрессивны стратегии инкумбента, тем ниже вероятность НП;

H7: более высокие уровни этнической, религиозной и языковой фрагментации повышают вероятность НП;

H8: президентские выборы в меньшей степени сопряжены с появлением НП, чем парламентские.

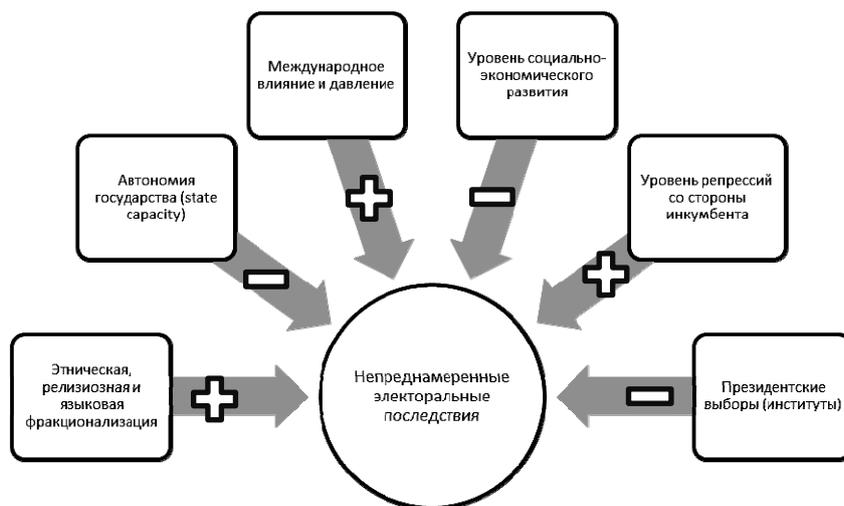

Диаграмма 2
Теоретическая модель причин непреднамеренных электоральных последствий

Для измерения независимых переменных были использованы макроэкономические показатели, доступные на сайте Всемирного банка и Международного валютного фонда. Для расчета динамики ВВП были также использованы данные Penn World Tables v. 6.3, так как они покрывают максимальное число наблюдений. Индекс этнолингвистической и религиозной фракционализации рассчитан по формуле Герфиндаля на базе источников, собранных Алезиной и его коллегами [более подробное описание, а также критику см.: Fractionalization, 2003; Posner, 2004]. Для измерения международного влияния был использован индекс глобализации, разработанный Швейцарским Экономическим институтом, который включает как экономическую интеграцию, так и членство в политических организациях, культурный обмен и т.д. [см.: Dreher, 2006; Dreher, Gaston, Martens, 2008]. «Объем репрессий» по отношению к избирателям и оппозиции операционализирован с помощью индекса Сингранелли и Ричардса (Physical Integrity Index, проект CIRI), через который ежегодно оценивается степень соблюдения прав человека – насилие и давление на избирателей, пытки, исчезновения, заключение под стражу по политическим мотивам. Также в анализе использован индекс свободы слова, разработанный в рамках этого же проекта [Cingranelli, Richards, 2010].

Анализ выборов в соревновательных авторитарных режимах (1990–2011)

Единицей анализа являются отдельные выборы в политическом режиме, который соответствует характеристикам соревновательного авторитаризма. Исключены случаи, где невозможно однозначно установить инкубента или его преемника, «учредительные» выборы во вновь образованных государствах, после гражданской войны или внешней интервенции. Если выборы проходили в несколько туров, то использован второй тур для президентских выборов или решающий тур для парламентских. Данные о выборах и их результаты были собраны автором из различных источников, включая базу данных NELDA [Hyde, Marinov, 2009], издания под редакцией Дитера Нолена с электоральной статистикой [Nohlen, Grotz, Hartmann, 2001; Nohlen, Stöver, 2010; Nohlen, 1999, 2005]. Выборка

состоит из 349 случаев, из них 144 – выборы президента и 205 – выборы в легислатуру.

Поскольку указанные группы объяснительных переменных действуют не изолированно друг от друга, а в той или иной комбинации, то для анализа вероятности какого-либо из четырех постэлекторальных сценариев было использовано многомерное статистическое моделирование для категориальных зависимых переменных – мультиномиальная логистическая регрессия [Long, 1997]. Большинство статистических пакетов в процессе анализа удаляет случаи, где отсутствуют данные хотя бы по одной из переменных, в результате чего доступными для анализа остаются всего 79 случаев. Чтобы избежать этой проблемы, данные были симулированы с помощью метода множественного восстановления пропущенных данных (multiple imputation) [Multiple imputation with diagnostics (mi) in R, 2010]. Эта техника позволяет генерировать данные с учетом вариации остальных переменных и при этом не искажает регрессионные коэффициенты. Тем не менее в таблице 3 представлены три версии регрессионных моделей с тремя симуляциями, что позволяет дополнительно оценить устойчивость результатов и правдоподобие моделей.

Самые неустойчивые и противоречивые результаты наблюдаются для второго сценария, которому соответствуют проигрыш инкумбента и протесты. Однако уже было указано, что это очень редкий вариант и на основании всего лишь пяти случаев выявить какие-либо устойчивые закономерности невозможно. Для остальных групп, где наблюдаются непреднамеренные антигегемонистские последствия, коэффициенты и оценки соотношения шансов значительно устойчивее, хотя их статистическая значимость все еще существенно варьируется в зависимости от типа симуляции. Как бы то ни было, полученные модели по меньшей мере позволяют определить направление связи между объяснительными переменными и типами электоральных последствий.

Таблица 3

**Моделирование непреднамеренных последствий выборов
(1990–2011)**

Часть 1

	Прогресс и отсутствие протестов		
	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Тип выборов (президентские=1)	1,058525 0,15	1,045662 0,13	,9397704 -0,18
ΔВВП на душу населения (%)	,9476656 -2,52**	,9978403 -0,10	,984724 -0,83
Уровень репрессий (Physical Integrity Index)	1,031306 0,26	,8259035 -1,59	,8869321 -0,96
Индекс свободы слова (CIRI)	1,411029 0,93	2,058515 2,08**	1,932803 1,96 **
Этническая фракционализация	6,863447 1,51	4,847508 1,27	9,802946 1,63
Лингвистическая фракционализация	7,19e-06 -2,27 **	,0001859 -1,67*	,000012 -2,12 **
Религиозная фракционализация	384456,4 2,95 **	6224,08 1,80*	19287,65 2,52 **
Уровень инфляции	1,000708 1,02	,9994652 -1,23	1,000138 0,28
Уровень безработицы	1,153764 4,56 ***	1,031504 0,99	1,045069 0,86
Доходы центрального правительства (% от ВВП)	,9037101 -3,57 ***	,9606848 -1,86*	,9699617 -1,70 *
Log (ВВПt-1)	,9592644 -0,17	1,223223 0,85	1,13115 0,47
Экспорт нефти (1)	1,258632 0,42	,845401 -0,31	,9581526 -0,08
Индекс глобализации (KOF)	,9995208 -0,03	,9876233 -0,71	,9790183 -1,25
Логарифмическое псевдоправдоподобие	-275,35271	-290,75285	-291,97654
Псевдо R ²	0,1754	0,1293	0,1257
Prob > chi2	0,0000	0,0000	0,0000
N	349	349	349

Часть 2

	Проигрыш и протесты		
	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Тип выборов (президентские=1)	,9123172 -0,10	1,002709 0,00	,7175308 -0,43
ΔВВП на душу населения (%)	,913448 -1,01	,9456729 -1,98**	1,018097 0,55
Уровень репрессий (Physical Integrity Index)	,7411865 -1,25	,4920979 -2,71**	,7982162 -0,75
Индекс свободы слова (CIRI)	1,251335 0,27	1,080604 0,07	1,315125 0,25
Этническая фракционализация	1348,411 2,51 **	775,5943 3,20***	2174,69 3,45 ***
Лингвистическая фракционализация	1,92e-11 -1,57	2,61e-11 -2,54***	1,37e-15 -2,12 **
Религиозная фракционализация	1,11e+08 0,92	4,35e+10 0,95	3,20e+17 1,03
Уровень инфляции	1,000162 0,13	1,005313 1,77*	1,001922 0,70
Уровень безработицы	1,095209 0,82	,8709674 -2,63***	1,150196 1,44
Доходы центрального правительства (% от ВВП)	,9722349 -0,77	,9296318 -2,02**	1,013132 0,25
Log (ВВПt-1)	1,007145 0,01 **	3,63099 2,09**	,9912638 -0,01
Экспортер нефти (1)	,3997681 -1,27	-1,635435 -1,40	,6811688 -0,53
Индекс глобализации (KOF)	1,045548 0,53	-,0381109 -0,94	1,002963 0,06
Логарифмическое псевдоправдоподобие	-275,35271	-290,75285	-291,97654
Псевдо R ²	0,1754	0,1293	0,1257
Prob > chi2	0,0000	0,0000	0,0000
N	349	349	349

Часть 3

1	Выигрыш и протесты		
	Модель 1	Модель 2	Модель 3
	2	3	4
Тип выборов (президентские=1)	2,099088 2,46 **	2,146384 2,52**	1,891229 2,12 **

Продолжение части 3

1	2	3	4
ΔВВП на душу населения (%)	,9671667 -1,57	,9823983 -1,13	,9650509 -1,81 *
Уровень репрессий (Physical Integrity Index)	,6471465 -4,45 ***	,7000429 -3,66***	,6780799 -4,23 ***
Индекс свободы слова (CIRI)	1,303964 0,90	1,010092 0,03	,9314139 -0,24
Этническая фракционализация	4,068099 0,97	6,072632 1,31	4,418536 1,02
Лингвистическая фракционализация	,0508075 -0,50	,0016808 -1,20	,0375427 -0,58
Религиозная фракционализация	79,85691 1,28	666,588 2,02**	376,9827 1,82 *
Уровень инфляции	1,003023 1,46	1,002612 1,18	1,000838 0,47
Уровень безработицы	,9343754 -2,19 **	,9875946 -0,36	1,01434 0,55
Доходы центрального правительства (% от ВВП)	1,078938 4,02 ***	1,05068 2,56**	1,063651 2,90 ***
Log (ВВПt-1)	1,284793 1,25	1,03232 0,15	1,006798 0,03
Экспортер нефти (1)	,4744014 -1,76 *	,4921772 -1,68*	,5598736 -1,37
Индекс глобализации (KOF)	1,016556 1,06	1,027012 1,70*	1,025105 1,47
Логарифмическое псевдоправдоподобие	-275,35271	-290,75285	-291,97654
Псевдо R ²	0,1754	0,1293	0,1257
Prob > chi2	0,0000	0,0000	0,0000
N	349	349	349

Примечания: Тип выборов – биномиальная переменная, где 1 = президентские выборы, 0 – парламентские. ΔВВП на душу населения – в константных ценах 2005 г., USD, рассчитанных по паритету покупательской способности. ΔВВП = ВВПt – ВВПt-1 / ВВПt-1*100, где t – год выборов. Экспортер нефти – биномиальная переменная, где 1 = экспортер нефти, 0 = страна, не экспортирующая нефть. В ячейках представлено соотношение шансов (relative risk-ratios) относительно прогегемонистского сценария (инкумбент выиграл, нет протестов), который является референтной категорией анализа; ниже приведены z-величины, знак которых указывает направление связи между предиктором и зависимой переменной. *p<=0.10 **p<=0.05 ***p<=0.01.

Вероятность мирной смены власти в соревновательных авторитарных режимах относительно прогегемонистских последствий увеличивается при относительном уменьшении доходов центрального правительства. Изменение одной единицы индекса религиозной фракционализации существенно повышает вероятность подобного исхода, в то время как лингвистическая фракционализация статистически значимо, но менее ощутимо снижает вероятность мирного проигрыша инкумбента. Любопытно, что более высокие показатели подавления свободы слова и давления на СМИ связаны с вероятностью потери власти, не сопровождаемой протестами.

Сценарий, где инкумбент одерживает формальную электроальную победу, но это провоцирует массовые протесты, является наиболее распространенным вариантом непреднамеренных последствий. Результаты для этой группы последствий оказались наиболее надежными. Президентские выборы значительно увеличивают вероятность возникновения подобного результата по сравнению с парламентскими. Самая значимая переменная, которая резко увеличивает шансы на возникновение антиправительственных протестов по поводу прогегемонистских результатов, – это уровень репрессий по отношению к гражданам и оппозиции. При этом подобные реакции более вероятны при относительно высоких доходах государства. Религиозная фракционализация обладает очень сильным, однако неустойчивым положительным эффектом. Статус экспортера нефти несколько снижает вероятность подобного исхода выборов.

Примечательно, что классические макроэкономические показатели оказались незначимы и не оказывают явного эффекта на тот или иной сценарий развития после проведения выборов. Более существенны характеристики стратегий инкумбента, а также наличие политически значимых религиозных, этнических и языковых различий. Тип выборов – президентские или парламентские – имеет значение лишь для четвертого типа последствий (выигрыш-протесты). В сущности, эта группа выборов включает в себя как удавшиеся, так и потерпевшие поражение «электоральные революции». Уровень глобализации не является значимой переменной для объяснения типа непреднамеренных последствий. Однако эти результаты нельзя считать окончательными, возможно, использо-

вание иных операциональных переменных и индексов внесет в них коррективы.

Заключение

На основании результатов регрессионного анализа можно сделать следующие выводы. Во-первых, случаи крайне неравномерно распределены по теоретическим группам последствий. Нечестные и несправедливые выборы совершенно не противоречат логике выживания авторитаризма. В сущности, прогегемонистский эффект без протестов – это норма для функционирования авторитарной системы, в то время как остальные сценарии являются очевидными отклонениями, каждое из которых может возникать с разной долей вероятности.

Далеко не все группы являются одинаково релевантными для дальнейшего анализа. Так, антигегемонистские эффекты, сопряженные с проигрышем инкумбента и последующими протестами, крайне редки и являются результатом действия разнонаправленных сил. В итоге наибольший интерес представляют оставшиеся три группы: «мирная» (без протестов) потеря власти инкумбентом, массовые протесты при прогегемонистском результате выборов (самая многочисленная группа) и прогегемонистский сценарий без протестов. Наиболее четкие отличия существуют между двумя последними группами последствий. Они, на мой взгляд, являются наиболее релевантными для последующего анализа. Если в двух других группах непреднамеренных последствий объем ресурсов и инструментов у инкумбента весьма ограничен, в прогегемонистском сценарии инкумбент располагает достаточными ресурсами, и характер их использования приобретает гораздо большее значение.

Во-вторых, даже при условии выделения режимов, которые являются относительно гомогенными по наиболее популярным индексам демократии (Freedom House и Polity IV), сохраняются существенные вариации. В первую очередь они обусловлены автономией государства (state capacity) и способностью инкумбента мобилизовать ресурсы для сохранения власти. Страны группы, где электоральное поражение инкумбента не сопровождается протестами: а) характеризуются наличием электората, разделенного на ярко выраженные аскриптивные группы; б) являются уязви-

мыми для внешнеполитического давления (коэффициенты для индекса глобализации указывают на то, что степень интеграции страны на международной арене увеличивает шансы реализации данного сценария). Выборы, где реализовался сценарий проигрыша без массовых протестов, как правило, происходили либо после существенной либерализации режима и ослабления позиций инкубента, либо в таких нестабильных политиях, как Албания в 1990-е годы или Шри-Ланка.

В-третьих, не все переменные являются в равной степени значимыми для каждого типа последствий. Так, религиозная фракционализация способствует политическому включению различных групп и увеличивает вероятность «мирной» ротации элит относительно прогегемонистского сценария. Размежевания по признаку языка действуют, напротив, в пользу прогегемонистского сценария и ротации власти. Таким образом, имеет значение не просто сам факт культурной или языковой гетерогенности общества, но и ее тип, и это требует более детального исследования. Кроме того, следует учесть, что индекс отражает лишь структурные характеристики общества, а это не тождественно числу политически релевантных групп в том или ином обществе. Отдельного внимания заслуживает связь между уровнем репрессий и протестами. Масштабная и хорошо спланированная зачистка электорального поля существенно снижает вероятность последующих протестов.

В-четвертых, концепт соревновательного авторитаризма в версии Стивена Левицки и Лукана Уэя [Levitsky, Way, 2010] имеет одно существенное ограничение: инкубент играет на электоральной арене, но фактически никогда не проигрывает. Проигрыш инкубента, однако, не гарантирует демократизации: существует целый ряд политий (так называемые «соревновательные олигархии»), которые далеки от минимальных демократических критериев, но при этом испытывают относительно регулярную ротацию власти (например, Иран или Албания в 1990-е годы).

В-пятых, данный анализ не учитывает кумулятивные эффекты выборов, оказываемые на динамику соревновательных авторитарных режимов. Действительно усиленные репрессии снижают вероятность антигегемонистского сценария в краткосрочном плане, однако пока нельзя определить, так ли это в долгосрочной перспективе? Для ответа на этот вопрос необходим кросстемпоральный анализ

с учетом взаимного влияния разных выборов друг на друга. Судя по всему, на электоральные последствия и динамику политического режима в целом могут также влиять эффект диффузии из соседних стран («цветные революции» или «арабская весна») или эффекты предыдущих выборов.

Наконец, степень опасности для инкумбента каждого из протестных эпизодов существенно варьируется среди случаев с прогемонистским электоральным исходом, но сопровождающимся протестами. При каких условиях возникают протесты, а при каких массовая мобилизация отсутствует? Выиграть выборы в авторитарных условиях можно по-разному, не всякая электоральная победа является победой политической. Каким образом выборы как периодически возникающая арена, открывающая окно политических возможностей, трансформируют последующие траектории развития политического режима? Эти вопросы – предмет для дальнейшего исследования непреднамеренных электоральных эффектов.

Литература

- Acemoglu D., Robinson J.A.* Economic origins of dictatorship and democracy. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2006. – 416 p.
- Fractionalization / A. Alesina, A. Devleeschauwer, W. Easterly, S. Kurlat, R. Wacziarg // *Journal of economic growth*. – N.Y., 2003. – Vol. 8. – P. 155–194.
- Altman D.* Direct democracy worldwide. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2010. – 248 p.
- Åslund A., McFaul M.* Revolution in orange: The origins of Ukraine's democratic breakthrough. – Wanington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2006. – 216 p.
- Blyth M.* Structures do not come with an instruction sheet: Interests, ideas, and progress in political science // *Perspective on politics*. – N.Y., 2003. – Vol. 4. – P. 695–706.
- Boix C.* Political parties, growth and equality: Conservative and social democratic economic strategies in the world economy. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1998. – 280 p.
- The logic of political survival / B. Bueno de Mesquita, A. Smith, R.M. Siverson, J.D. Morrow. – Massachusetts: The MIT Press, 2003. – 536 p.

- Bunce V.J.* Subversive institutions: The design and the destruction of socialism and the state. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1999. – 206 p.
- Bunce V.J., Wolchik Sh. L.* Defeating authoritarians in the postcommunist world. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2011. – 373 p.
- Case W.* Manipulative skills: How do rulers control the electoral arena? // Electoral authoritarianism: The dynamics of unfree competition / Schedler A. (ed.). – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2006. – P. 95–112.
- Cingranelli D.L., Richards D.L.* The Cingranelli-Richards (CIRI) human rights dataset. – 2010. – Mode of access: <http://www.humanrightsdata.org> (Дата посещения: 20.02.2012.)
- Cortell A.P., Peterson S.* Limiting the unintended consequences of institutional change // Comparative political studies. – Thousand Oaks, CA, 2001. – Vol. 7. – P. 768–799.
- Dahl R.A.* Polyarchy: Participation and opposition. – New Haven: Yale univ. press, 1971. – 251 p.
- Dreher A.* Does globalization affect growth? Evidence from a new Index of globalization // Applied economics. – N.Y., 2006. – Vol. 38. – P. 1091–1110. – Mode of access to data: <http://globalization.kof.ethz.ch/> (Дата посещения: 13.03.2012.)
- Dreher A., Gaston N., Martens P.* Measuring globalisation – gauging its consequences. – N.Y.: Springer, 2008. – 224 p.
- Gandhi J.* Political institutions under dictatorship. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2008. – 258 p.
- Gandhi J., Lust-Okar E.* Elections under authoritarianism // Annual review of political science. – Palo Alto, CA: Annual Reviews, 2009. – P. 403–422.
- Golder M., Wantchekon L.* Africa: Dictatorial and democratic electoral systems since 1946 // Handbook of electoral system design / J. Colomer (ed.). – L.: Palgrave Macmillan, 2004. – P. 401–414.
- Greene K.F.* The political economy of authoritarian single-party dominance // Comparative political studies. – Thousand Oaks, CA, 2009. – Vol. 7. – P. 807–834.
- Hall P.A., Taylor R.C.R.* Political science and the three new institutionalisms // Political studies. – Nottingham, 1996. – Vol. 5. – P. 936–957.
- Horowitz D.L.* Ethnic groups in conflict. – Berkeley; L.A.: Univ. of California press, 2000. – 697 p.
- Howard M., Roessler Ph.* Liberalizing electoral outcomes in competitive authoritarian regimes // American journal of political science. – Hoboken (NJ), 2006. – Vol. 2. – P. 365–381.
- Hyde S., Marinov N.* National elections across democracy and autocracy: Putting the «competitive» into competitive authoritarianism. – Unpublished manuscript. – Mode

- of access: http://hyde.research.yale.edu/nelda/Hyde_Marinov_NELDA.pdf (Дата посещения: 31.04.2012.)
- Hyde S.D.* Catch us if you can: Election monitoring and international norm diffusion // *American journal of political science*. – Hoboken (NJ), 2011. – P. 356–369.
- Kalandadze K., Orenstein M.A.* Electoral protests and democratization beyond the color revolutions // *Comparative political studies*. – Thousand Oaks, CA, 2009. – Vol. 11. – P. 1403–1425.
- Langston J.* Elite ruptures: When do ruling parties split? // *Electoral authoritarianism: The dynamics of unfree competition* / Schedler A. (ed.). – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2006. – P. 57–76.
- Levitsky S., Way L.* Competitive authoritarianism: Hybrid regimes after the cold war. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2010. – 517 p.
- Levitsky S., Way L.* The rise of competitive authoritarianism // *Journal of democracy*. – Wanington, D.C., 2002. – Vol. 2. – P. 51–65.
- Long J.S.* Regression models for categorical and limited dependent variables. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1997. – 297 p.
- Lust E.* Competitive clientelism in the Middle East // *Journal of democracy*. – Wanington, D.C., 2009. – Vol. 3. – P. 122–135.
- Magaloni B.* Voting for autocracy: Hegemonic party survival and its demise in Mexico. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2006. – 296 p.
- Nohlen D.* Elections in Africa: A data handbook. – Oxford: Oxford univ. press, 1999. – 984 p.
- Nohlen D.* Elections in the Americas: North America, Central America, and the Caribbean. – Oxford: Oxford univ. press, 2005. – Vol. 1. – 2601 p.; Vol. 2. – 1340 p.
- Nohlen D., Grotz F., Hartmann C.* Elections in Asia and the Pacific: A data handbook. – Oxford: Oxford univ. press, 2001. – Vol. 1. – 776 p.; Vol. 2. – 882 p.
- Nohlen D., Stöver P.* Elections in Europe: A data handbook. – Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft Mbh & C., 2010. – 2070 p.
- Pepinsky T.B.* Economic crises and the breakdown of authoritarian regimes: Indonesia and Malaysia in comparative perspective. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2009. – 326 p.
- Posner D.N.* Measuring ethnic fractionalization in Africa // *American journal of political science*. – Hoboken (NJ), 2004. – Vol. 4. – P. 849–863.
- Przeworski A.* Democracy and development: Political institutions and well-being in the world, 1950–1990. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2000. – 321 p.
- Roessler P.G., Howard M.M.* Post cold war political regimes: When do elections matter? // *Democratization by elections* / Lindberg S. (ed.). – Baltimore: Johns Hopkins univ. press, 2009. – 406 p.

- Sartori G.* Parties and party systems. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2005. – 342 p.
- Schedler A.* The Logic of electoral authoritarianism. – Boulder: Lynne Reiner, 2006. – 267 p.
- Schedler A.* Protest beats manipulation. Exploring sources of interparty competition under competitive and hegemonic authoritarianism // CIDE Working Paper 202 / Department of political studies. – Mexico City, 2008. – Mode of access: <http://www.cide.edu/publicaciones/status/dts/DTEP%20202.pdf> (Дата посещения: 31.03.2012.)
- Smith G.* The functional properties of the referendum // European journal of political research. – Amsterdam, 1976. – Vol. 1. – P. 1–23.
- Multiple imputation with diagnostics (mi) in R: Opening windows into the black box / Y.S. Su, A. Gelman, J. Hill, M. Yajima // Journal of statistical software. – Los Angeles, 2011. – Vol. 45. – Mode of access: <http://www.jstatsoft.org/v45/i02> (Дата посещения: 31.03.2012.)
- Vachudova M.A.* Europe undivided: Democracy, leverage, and integration after communism. – N.Y.: Oxford univ. press, 2005. – 352 p.
- Weingast B.R.* Political institutions: Rational choice perspectives // A new handbook of political science / Goodin R.E., Klingemann H. (eds.) – Oxford: Oxford univ. press. 1996. – P. 167–190.
- Wintrobe R.* The political economy of dictatorship. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1998. – 390 p.
- Wright J.* Do authoritarian institutions constrain? How legislatures affect economic growth and investment // American journal of political science. – Hoboken (NJ), 2008. – Vol. 52, N 2. – P. 322–343.